

А.В. Ломоносов

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ИДЕАЛЕ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ В.В. РОЗАНОВА

В статье, посвященной социально-политическим взглядам религиозного философа В.В. Розанова, раскрываются такие темы его творчества, как психологические основы смены социального строя, истоки террора, а также нигилизм бюрократии как основа крушения российской государственности. Показано преломление в текстах философа представлений русского народа об идеальном правителе.

Ключевые слова: В.В. Розанов, социально-политический идеал, личность, Россия, консерватизм, революция, социальная философия, традиционализм, самодержавие, бюрократия, парламент, террор.

Творчеству русского писателя и религиозного мыслителя Василия Васильевича Розанова (1856–1919) посвящено великое множество работ. В 1990-х годах по индексу цитируемости он даже вышел на первые места среди современных ему русских философов. Но и по сей день в его творческом наследии есть вопросы далеко не до конца раскрытые. К их числу, безусловно, можно отнести вопрос о политических предпочтениях мыслителя в определении идеальной формы власти в России. Для современной жизни имеют большое значение проблемы поиска новой объединяющей национально-государственной идеи, а также исследование истоков провоцирующей роли отдельных направлений отечественной литературы и возможности использования духовной жизни людей в целях политической провокации. Давно уже доказано, что идеи В.В. Розанова о политической жизни России, касающиеся как форм правления, так и систем смены власти в стране, были насущны в начале XX в. и не устарели по сей день. Рассмотрение этих направлений в творческом наследии писателя, безусловно, остается актуальным.

Социально-политические взгляды В.В. Розанова затрагивались как в работах его современников, так и в трудах более поздних ученых, в том числе наших

Алексей Васильевич Ломоносов — кандидат исторических наук, сотрудник НИО рукописей Российской государственной библиотеки (lomonosov-1962@yandex.ru).

современников. К первым можно отнести Э.Ф. Голлербаха¹, Б.Ф. Грифцова²; А.К. Закржевского³, П.П. Перцова⁴ и М.М. Тареева⁵. Многие из посвященных мыслителю прижизненных и советских публикаций отличались резкой критичностью и политической ангажированностью. К числу таковых в первую очередь следует отнести статьи В.П. Буренина⁶, Н.К. Михайловского⁷ и П.Б. Струве⁸.

Ко второй группе розановедов тесно примыкают исследования наших ученых конца 1990–2000-х гг. Среди наиболее известных на сегодняшний день розановедов следует отметить В.А. Фатеева⁹, В.Н. Шульгина¹⁰ и А.В. Зябликова¹¹. В.В. Ведерникова¹², М.М. Панфилова¹³, С.М. Сергеева¹⁴ и О.Е. Сорокопудова¹⁵ также выделяются среди современников интересным подходом к политическим пристрастиям В.В. Розанова.

¹См.: *Голлербах Э.Ф.* В.В. Розанов. Жизнь и творчество. М., 1991.

²См.: *Грифцов Б.А.* Три мыслителя: Розанов, Мережковский, Шестов. М., 1911.

³См.: *Закржевский А.К.* Карамазовщина. Психологические параллели. Киев, 1912.

⁴См.: *Перцов П.П.* Воспоминания о В.В. Розанове / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.Г. Сукача // *Новый мир.* 1998. № 10.

⁵См.: *Тареев М.М.* В.В. Розанов // *Богословский вестник.* 1907. № 12.

⁶*Буренин В.П.* Критические очерки. Литературное уродство и кликушество // *Новое время.* 1895. 1 сент. № 7007.

⁷*Михайловский Н.К.* О г. Розанове, его великих открытиях, его маханальности и философической порнографии // *Последние сочинения Н.К. Михайловского:* В 2 т. СПб., 1905. Т. 2; *Он же.* Литература и жизнь // *Русская мысль.* 1892. № 6.

⁸*Струве П.Б.* Большой писатель с органическим пороком // *Русская Мысль.* 1910. № 11.

⁹См.: *Фатеев В.А.* С русской бездной в душе: жизнеописание Василия Розанова. СПб., Кострома, 2002; *Он же.* Жизнеописание В.В. Розанова. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2013.

¹⁰См.: *Шульгин В.А.* Русский пророк — консерватор Розанов (Доклад на научной конференции «В.В. Розанов и современность. К 150-летию со дня рождения мыслителя») // *Православное информационное агентство «Русская линия»,* 2006 г. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=110870>; *Он же.* Русский свободный консерватизм первой половины XIX в. СПб., 2009.

¹¹*Зябликов А.В.* Концепт думской монархии в сознании русской художественной элиты начала XX в. / А.В. Зябликов // *Романовские чтения. История Российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения.* Кострома, 2008. С. 57–67.

¹²*Ведерников В.В.* В.В. Розанов о самодержавии и бюрократии // *Материалы XI научной конференции профессорско-преподавательского состава, 18–22 апреля 1994 года.* Волгоград, 1994. С. 161–165.

¹³*Панфилов М.М.* Возвращение Василия Розанова // *Письменная культура: источниковедческие аспекты истории книги.* М., 1998. С. 260–280.

¹⁴*Сергеев С.М.* Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х гг. XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.

¹⁵*Сорокопудова О.Е.* Политическая мысль В.В. Розанова: специфика и проблемы исследования: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2012.

Многие формулировки общественно-политической позиции писателя по сей день не имеют четких рамок и состояются из взаимоисключающих понятий, парадоксально: либеральный консерватизм¹⁶, «славянофильский национализм»¹⁷ и т.п. Касаюсь монархических симпатий В.В. Розанова, перечисленные авторы в большей степени рассматривают лишь один их аспект — противостояние мыслителя бюрократии, выраженное, в основном, в его работе «О подразумеваемом смысле нашей монархии» (СПб., 1912).

Ни в коей мере не претендуя на полноту охвата указанной проблемы, попытаемся хотя бы обозначить некоторые вехи в поисках В.В. Розановым социально-политического идеала для России.

Еще на студенческой скамье Розанов начал смутно осознавать специфичность государственного устройства своей страны. «Мне можно поверить, — вспоминал он на склоне лет, — когда в 57 лет (а в сущности, начал еще в университете) я говорю, что в России нельзя ничего сделать без Государя и без веры в него»¹⁸.

На первом этапе обращения к теме социально-политического устройства России сильнее всего писателя волновал вопрос мистических оснований царской власти в России. Сложно спорить с перманентной актуальностью этой проблемы. Однако остаются малоизученными и другие аспекты отношения В.В. Розанова к верховной власти в России и самого его представления о русском самодержавии. В этой связи представляют большой интерес возражения его старших единомышленников из лагеря консервативной русской журналистики. Речь идет прежде всего о К.Н. Леонтьеве, С.А. Рачинском, И.Ф. Романове (Рцы) и Н.Н. Страхове.

Писатель и религиозный мыслитель Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) был для В.В. Розанова воплощением самого яркого мыслителя, которым с истинно русской мыслью в ее новых проявлениях впервые «руководит столь яркое и столь несомненное сознание *положения своего народа в истории*»¹⁹. Из трепетных, сильных и насыщенных духовной близостью писем стар-

¹⁶См.: *Сорокопудова О.Е.* Политическая мысль В.В. Розанова... С. 19.

¹⁷«Суд над Розановым». Записки С.-Петербургского Религиозно-философского общества // В.В. Розанов: pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. Кн. 2 / Сост., вступ. ст. и прим. В.А. Фатеева. СПб., 1995. С. 208.

¹⁸*Розанов В.В.* Уединенное / Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. А.Н. Николюкина. М., 1990. С. 334.

¹⁹*Розанов В.В.* Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского / Сост. А.Н. Николюкина, коммент. А.Н. Николюкина, А.В. Панова, С.Р. Федякина. М., 1996. С. 184.

шего товарища В.В. Розанов и вынес непререкаемый стержень всех своих размышлений об основаниях власти в России. «Христианство — царский путь»²⁰, наставлял его Константин Николаевич в послании, посвященном личному выбору при сильном колебании в круговерти земных страстей.

Взгляды знаменитого литературного критика, философа и публициста Николая Николаевича Страхова (1828–1896) несколько отличались от воззрений других розановских идейных наставников из лагеря традиционалистов. Н.Н. Страхов много общался в письмах с В.В. Розановым по поводу его концепции русского государственного устройства. В.В. Розанов определял монархию формой отношений, завещанной из Евангелия, поскольку именно там видел ее прообразы и символы, и называл ее выражением нравственного миропорядка на земле. Республика была представлена публицистом как общественная форма античного мира, тогда как монархия — социальным строем средневековья и Нового времени. Н.Н. Страхов ставил писателю в вину вечный русский максимализм и заоблачность религиозного монархического идеала. Еще в начале 1891 года критик отвечал на интересующий Розанова вопрос: «Что я думаю о нынешнем царствовании? Конечно, многому радуюсь <...>. Государь удивительный, а людей все нет»²¹. Через два года Василий Васильевич опубликовал статью «О монархии (По поводу панамских дел)»²², вызвавшую негативную реакцию Н.Н. Страхова: «Вы верно поняли, что при истинном христианстве никакая политическая жизнь невозможна, — писал критик молодому журналисту, — и не видите, что и монархия равно не основывается на Евангелии, как и республика; Вы порочите древний мир и даже не упоминаете, что же представляет новый мир <...> Роль христианства у Вас только разрушение <...>. И тогда монархия есть диктатура»²³. Подобную же критику высказывали В.В. Розанову в письмах и другие коллеги по журналистскому цеху из лагеря консервативной печати (С.А. Рачинский и И.Ф. Романов).

Н.Н. Страхов сетовал, что с таким подходом нам, русским, никогда не созреть до истинных граждан, поскольку невероятная отдаленность идеала порождает либо бесперспективные мечтания, либо уныние от невозможности достичь светлого будущего. Но В.В. Розанов отстаивал религиозно-мистические основания монархии. «Прообразы христианской монархии заключены уже в Еванге-

²⁰Розанов В.В. Собр. соч. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Подг. текста А.Н. Николюкина и П.П. Апрышко, коммент. Т.В. Воронцовой. М., 2001. С. 348.

²¹Там же. С. 78.

²²Русское обозрение. 1893. № 2. С. 682–700.

²³Розанов В.В. Собр. соч. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 120–121.

лии, — писал он в ответном письме, — коренные христианско-монархические чувства <...> внутренне — новая монархия вся выходит из Евангелия <...> В Евангелии — корень христианской цивилизации, плод которой — спиритуалистическая философия, изумление перед миром и его познание»²⁴. Не согласился Василий Васильевич и с тем, что в его концепции христианство имеет разрушительную роль: «С христианством пробудилась личность, совесть, субъект; и все, что этим создано, т. е. несравненно ценнейшее, нежели весь древний мир»²⁵. Публицист и позднее, в 1900 году, отстаивал тезис, что «монархия есть естественная форма христианского государства, как республика — античного, языческого»²⁶.

К ранним работам В.В. Розанова о принципах существования русской монархии критически относился и другой идейный наставник писателя, ученый и педагог Сергей Александрович Рачинский (1833–1902).

Разбирая статью В.В. Розанова 1893 года «О трех принципах человеческой деятельности»²⁷, С.А. Рачинский осудил противопоставление автором государства Церкви и дал публицисту ряд наставлений в духе традиционалистских идей о понимании монархического принципа российской государственности. «Вы забыли, — указывал он в письме, — что мы живем в государственном строе, коего главный элемент — именно элемент мистический — царская власть неограниченная, идеал в действительности неосуществимый, а между тем одухотворяющий, при всех ее несовершенствах, нашу государственную действительность, обеспечивающий за личностью ту свободу, которой она лишена в так называемом правовом государстве...»²⁸.

Два года спустя, в мае 1895 года, В.В. Розанов закончил работу над программной статьей «О подразумеваемом смысле нашей монархии», ставшей своеобразным символом приверженности автора консервативным началам мировоззрения, поскольку к читателям эта работа попала лишь через 17 лет, в 1912 году. В ней содержались основные принципы мистического осмысления самодержавной власти в России.

²⁴ Розанов В.В. Собр. соч. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 293.

²⁵ Михайловский Н.К. О г. Розанове, его великих открытиях, его маханальности и философической порнографии // Последние сочинения Н.К. Михайловского: В 2 т. СПб., 1905. Т 2. С. 294.

²⁶ Розанов В.В. Собр. соч. Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905 гг.). М.–СПб., 2008. С. 249.

²⁷ Русское обозрение. 1893. № 3. С. 106–121.

²⁸ Розанов В.В. Собр. соч. Литературные изгнанники. Книга вторая. [Переписка В.В. Розанова с С.А. Рачинским и П.А. Флоренским] М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 422.

Чиновников сразу смутила резкая позиция автора по отношению к государственной бюрократии. Тогда, в 1895 году, публикация статьи была запрещена старшим цензором Петербургского цензурного комитета Ф.П. Еленевым. Последовавшее ходатайство В.В. Розанова к К.П. Победоносцеву о разрешении статьи не исправило ситуации. Обер-прокурор согласился с критикой бюрократии, содержащейся в статье, отметил правильное понимание В.В. Розановым механизма падения монархий, но высказал опасение, что оппозиционные слои общества воспользуются приведенными автором примерами «смешного и глупого» из российской системы управления, чтобы осмеять именно то, что автор пытался защищать, — нерушимые принципы монархического строя. Тираж майского номера «Русского вестника» за 1895 год попал под ножницы цензоров, но случайно сохранилось несколько экземпляров журнала, избежавших экзекуции, а в 1912 году казавшаяся столь вредоносной статья вышла в Петербурге уже отдельным изданием.

В этой статье В.В. Розанов за десять лет до издания Манифеста 17 октября предупреждал о прогрессирующем разложении духовных основ монархической власти в России. Мыслитель считал, что, указав бюрократии на должное место, он поможет выровнять общий курс корабля российской политики. Для этого самым главным он считал «отделить цели от средств: бросить все средства бюрократии, а цели — сосредоточить в свободном, неизмеримо вознесенном лице Монарха»²⁹, поскольку место самодержца видел исключительно вне бюрократии и мелких деталей управления. «Он лишь оценитель, отмечающий одно, ускоряющий другое, указующий как цель — третье. Он — впереди управления, разыскивающий пути для него»³⁰.

Механизм современной ему власти автор, служивший в Департаменте железнодорожной отчетности Государственного контроля, сопоставил с опрокинувшимся паровозом, у которого колеса еще вертятся, машина «идет», а сам паровоз застыл на месте. Механизм бюрократии подменил собой священную особу монарха. Это, по мнению В.В. Розанова, было всего лишь следствие страшной «привычки к христианству», неизбежно ведущей к падению всего миропорядка русской жизни. Отступление от сакральных первооснов самодержавия В.В. Розанов видел в самой сердцевине его идеологов, именовавших себя славянофилами, — в среде чиновников государственного контролера Тертия Ивановича

²⁹ *Розанов В.В.* Собр. соч. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.). М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 352.

³⁰ Там же. С. 382.

Филиппова. Впервые за многие десятилетия изучения темы основ русской монархии, со времени первых славянофилов, В.В. Розанов поставил вопрос о ней столь остро в религиозной плоскости, как о метафизической величине. Он и сам считал это главной особенностью своей статьи: в отечественной печати «принцип “монархизма” ставился так высоко, точнее — так религиозно, как он не ставился никогда у нас со времен первых славянофилов»³¹. И много позднее Розанов не уставал повторять, что монархия есть естественная форма христианского государства, а суть монархии основана на иррациональных началах общества.

С.А. Рачинский первым указал В.В. Розанову будущую стезю его общественной значимости и признания (газетная публицистика и критика на страницах «Нового времени»). Именитый ученый и талантливый педагог помог В.В. Розанову сориентироваться в сложных взаимоотношениях внутри лагеря консервативной печати и оказал посильное покровительство.

Проблема гармонии в отношениях между монархом и управленческим аппаратом на долгие годы стала ключевой в размышлениях В.В. Розанова о природе власти в России.

В апреле 1892 года, отвечая на заявление Розанова, утверждавшего, что «настоящее царствование самое плодотворное после Петра Великого», Иван Федорович Романов (псевд. Рцы; 1858–1913) никак не мог согласиться с розановским заявлением об отсутствии вины царя за «идиотизм» поставленных им управлять чиновников: он считал, что самодержавные полномочия обязывают монарха к проявлению творческой инициативы и индивидуальности. И.Ф. Романов служил в том же департаменте Контроля и страдал от филипповских чиновников ничуть не меньше, чем Розанов.

Если подробнее коснуться вопроса истоков идейного родства В.В. Розанова и публициста Рцы, то можно вспомнить, что именно последний начал переписку с Розановым в сентябре 1891 года, обвинив журналиста в том, что тот «не понимает Православия»³².

По признанию самого Ивана Федоровича, ему пришлось исполнить перед Розановым «неблагодарную роль Мефистофеля», раскрыв ему глаза на темные стороны консервативной журналистики. «Пикантность нашего времени (начала 1890-х годов. — А.Л.), — рассуждал убежденный славянофил, — что на страже “Православия, Самодержавия, Народности” стоят и даже от казны

³¹Розанов В.В. Собр. соч. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.). М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 353.

³²Романов И.Ф. (Рцы). Письма к В.В. Розанову // Литературная учеба. 2000. Кн. 4. С. 110.

вспомоществование получают — кто? Кабатчики, пораные в оно время за злоупотребления питейным промыслом, агенты сысского отделения, отъявленные содомиты, не мошенники пера и разбойники печати, но заправские мошенники и настоящие разбойники, словом — подонки общества, отребья человечества... Эти одни имеют привилегию несомненной благонамеренности...»³³. По мнению И.Ф. Романова, господствовавшая в России «система белого нигилизма полагает, что благонамеренность проявляется исключительно либо в доносах, либо в раболепной лести, а что сверх сего, то уже почитается крамолою, изменою...»³⁴.

В.В. Розанов на примере собственной службы в Контроле убедился в страшной нигилистической силе бюрократии, разлагавшей всю страну коррумпцией. Негативное отношение к филипповским чиновникам Контроля надолго занозило души сослуживцев. Публичное заявление о своем выходе из лагеря казенных охранителей В.В. Розанов сделал в апреле 1897 года, объявив об этом в «Письме в редакцию» журнала «Северные цветы». Немаловажной причиной разрыва с консервативными традиционалистами было чванство и неприязнь кружка филипповских славянофилов, особенно сослуживцев В.В. Розанова: богослова Афанасия Васильевича Васильева и панслависта Николая Петровича Аксакова.

Горечь разочарования по поводу отношения власти к лагерю искренних литераторов-традиционалистов выплеснулась у В.В. Розанова спустя год в письме к Л.А. Тихомирову. Это же послание содержит и дальнейшую программу действий В.В. Розанова — по принципу тактики троянского коня — на ниве ключевых идей отечественного консерватизма: «Консервативные идеи запакошены, и кто им хочет служить — должен их реабилитировать <...> свободный, не связанный, не обязательный консерватизм есть последняя почти карта, которая ему остается почти в проигранной исторической игре. Если найдутся 2–1 [журналиста], которые остаются православные, остаются монархисты и преданы “«свято-отеческой» старине” по неоспоримо свободному соизволению сердца — еще значит игра не кончена, карты нечего бросать <...> Вот почему, думается, мы должны сражаться совершенно в разброде, в одиночку; даже замешиваясь в ряды противников; и образовать за невозможностью стоять “стенкой” — так сказать бродячие консервативные идеи, блуждающие мысли, — которые теперь или позже, в том или ином чутком человеке заронят семя консервативного созерцания.

³³Там же. С. 126.

³⁴Там же. С. 127, 133.

Администрация — сплошь вся либеральна или радикальна; пресса — тоже. <...> Положение гораздо худшее, чем <...> было в 70-х годах; тогда и в радикализме было что-то русское. <...> Те хоть литературу русскую любили, хоть уголки русской действительности... теперь — ничего русского. Просто (иногда думается) — Россия проваливается как какое-то пустое место. <...> Консерватизм (не в идеях, а в людях) опостылел мне: переболела моя душа от них, возненавидел я их за <...> их способы служить консерватизму»³⁵.

В общественном сознании В.В. Розанов долго оставался радикальным охранителем. В начале 1898 года редакция журнала «Вопросы философии и психологии» отвергла его статью «Поздние фазы славянофильства. К.Н. Леонтьев», даже не читав. Причина — умозаключения автора полугодичной давности по поводу Ходынской катастрофы в статье «1 марта 1881 г. — 18 мая 1896 г.» («Русское обозрение». 1897. № 5. С. 328–332). Трагедию на Ходынском поле, повлекшую массовую гибель людей, мыслитель определял как искупительную кровавую жертву для разрушения отъединенности царя от народа после мученической кончины императора Александра II, и весь ужас Ходынской катастрофы представил как мистическое воздаяние подданным за грех цареубийства террористами.

Метафизический корень террора как социального явления В.В. Розанов выводил из древнейшего начала человеческой истории — начала жертвенного, из понятия самой жертвы. Именно это чувство «странное и страшное» Розанов считал корневым истоком практики современного политического экстремизма, вечно возрождаемого «негодованием “святых людей” на грех человеческий»: «Давай его сюда, заколем — и оживем», «если этот не умрет, я не могу жить»³⁶. Вслед за своим учителем профессором В.И. Герье В.В. Розанов был убежден, что «эксцессы революционеров напоминают собою самые темные изуверные секты, с человеческими жертвоприношениями и с сладострастием собственного самокалывания»³⁷. Позднее писатель называл бесчисленные человеческие жертвы и горькие плоды изнурительных мечтаний о земном рае главной причиной неизбежного крушения будущего социалистического строя.

В основе историософского мировоззрения В.В. Розанова лежало убеждение в непреходящей ценности Русского Царства, то есть его представления о сакральной судьбе России. Мыслитель был убежден, что голым разумом в истори-

³⁵Цит. по: Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., 1999. С. 613–614.

³⁶Розанов В.В. Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. М., 1996. С. 550.

³⁷Розанов В.В. Собр. соч. Русская государственность и общество. М., 2003. С. 154–155.

ческой миссии самодержца вообще ничего понять нельзя, поскольку она является для обыденного сознания совершенно непостижимой, ибо именно царь «велилит истории»³⁸. По этой причине любое злоумышление против государя, отказ ему в повиновении представлялось писателем преступлением против истории, поскольку способно было в будущих монархах разрушить основополагающую суть, «их благость и их всецелую, без остатка для себя, благорасположенность ко всем и всему окружающему в стране своей»³⁹. Именно русский *самодержец* был для В.В. Розанова божественным началом борьбы со злом в мировой истории. «Царская власть есть чудо, <...> в царской власти и через ее таинственный инстинкт побеждено чуть не главное зло мира, которого никто не умел победить и никто его не умел избежать: *злая воля, злое желание — злая, злобная страсть*. <...> Метафизическое зло истории и даже метафизическое зло мира побеждено выработкой, в сущности, сверхисторического явления, явления какого-то аномального и аномального (конечно!) — царя»⁴⁰. А поэтому совершенно логичным становилось истребление всякой вражды к самодержцу и любых врагов государя.

Царская власть в залитой кровью революционного террора России имела в глазах В.В. Розанова мистический налет мученического ореола: «В Царе есть кусочек Провидения, — записал он в мае 1916 года. — Этого кусочка бойся. Вот почему Царю надлежит повиноваться. Допуская к повиновению себя — он и нас, обыкновенных, приобщает к мировой роли. Царствование Царя трагично. И — всякого Царя», так как повседневное состояние современной России — это жесточайший террор против самодержца⁴¹. По этой причине писатель оправдывал жесткие формы проявления царских прерогатив власти, защищая поведение царя в знаменательных событиях 9 января 1905 года: «Суть царства заключается в том, что царь всех сильнее. Сильнее всего народа. Потому-то он и не должен был дожидаться “100 000 рабочих”, подготовленных журналистами. А поехал в Царское Село чай пить. В этом, что он не стал слушать и не обратил внимания, и заключается суть царства. Царь, преданный “вечным целям”, может даже не обратить внимание на все свое поколение»⁴².

³⁸ *Розанов В.В.* Собр. соч. Последние листья / Сост. и коммент. А.Н. Николюкина, расшифровка рукописи А.Н. Николюкина и А.А. Ширяевой. М., 2000. С. 301.

³⁹ *Розанов В.В.* Уединенное / Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. А.Н. Николюкина. М., 1990. 543 с. (сер.: Мыслители XX века). С. 335.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Розанов В.В.* Собр. соч. Последние листья. М., 2000. С. 135.

⁴² *Розанов В.В.* Собр. соч. Когда начальство ушло... / Сост. П.П. Апрышко и А.Н. Николюкина, коммент. А.Н. Николюкина. М., 1997. С. 291.

Особое место в размышлениях В.В. Розанова о перспективах монархического правления в России занимала тема совмещения царской власти в России с представительскими органами управления. И в этом вопросе В.В. Розанов отдавал пальму первенства царю. Русский парламент он определял не иначе как результат царской воли. «Мы приняли конституцию, пот. что Царю было угодно так управлять Государством, через выборных. И хотя в “17 октября” стоит оговорка, что “никакой закон не приемлет своей силы без одобрения Гос. Думы”, — но эта-то оговорка или “Виттевское стало — в горле” и першит нам, противно нам, противозаконно нам <...> каждый закон, какой даровал России Царь, — даровал активно, Он сам, и с полным сознанием — такой закон всегда примет Россия, и он будет благостен России». Из этого мыслитель делал вывод, что Манифест 17 октября лишь ограничивает «“самовластие министров” (своеобразная “семибоярщина”», и только»⁴³.

Первый визит царя в Думу В.В. Розанов расценил как «единение Царя с народом», как высочайшее благословение законодателей на «тяжелый и ответственный законодательный труд»⁴⁴.

Писатель пытался анализировать исторические причины того, что наш самодержец был всегда не только ограничен, но и «страшно *стеснен*, находя в каждом шаге, во всяком движении — страшную среду сопротивления, отрицания, критики — и очень злобного отрицания, и до бессмыслицы упрямого и яростного. А настоящим “самодержцем” у нас, в сущности, всегда было невежество, — невежество, тьма и бурса, — чернь, гадость и злоба. Настоящим “самодержцем” в России был Чернышевский, с его безграничным влиянием, перед которым никто и “пикнуть” не смел — иначе его подняли бы “на копьё”»⁴⁵.

В.В. Розанов был ославлен в кругах современных ему либеральных журналистов как путаник и парадоксалист. И нельзя сказать, что абсолютно безосновательно. Мы никак не сможем обойти момент его политических колебаний времен первой российской революции 1905 года. Охваченный эйфорией революционных потрясений в России, В.В. Розанов в 1906 году создал психологический этюд о русской революции — «Ослабнувший фетиш», сопоставив социальный взрыв с природной стихией. Суть политического строя выводилась журналистом в статье из иррациональных стихийных порывов в обществе. Получив задание редакции «Нового времени», Василий Васильевич стал регулярным корреспондентом думских заседаний.

⁴³ Там же. С. 473.

⁴⁴ *Розанов В.В.* Собр. соч. В чаду войны (Статьи и очерки 1916–1918 гг. / Сост. и подгот. текста А.Н. Николюкина, В.Н. Дядичева, П.П. Апрышко; коммент. В.Н. Дядичева. М., 2008. С. 80.

⁴⁵ *Розанов В.В.* Собр. соч. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 339.

В статье «Ослабнувший фетиш» мыслитель утверждал, что «сущность монархизма» лежит *не в программном оправдании его*, не в “доказательной” его сущности, а вот в таких же иррациональных стихиях, как и выдвинувшиеся сейчас в революции, но стихиях только — обратных, иначе окрашенных, но также *сплошь сотканных из воображения и чувства*. <...> Монархизм есть существенным образом сотворение эпох темных — не в порицательном смысле, а вот в том смысле наивности, доверчивости, однотонности души человеческой, однотонности деятельности человеческой. <...> Умер один фетиш, зародился другой»⁴⁶. Сущность монархии мыслитель видел «в *воспоминательной способности человека, в очаровании бывшим*», которую «можно определить как фазу политического строя, соответственную *старости*. <...> Республика — это молодость человечества, монархия — это старость. <...> Старость и некоторая “грусть по прошлому”, и “бабушкины сказки”»⁴⁷. Хотя хозяин газеты «Новое время», в которой Василий Васильевич был постоянным сотрудником, А.С. Суворин, и не разделял восторгов своего журналиста, но всего год спустя подобные мысли можно было обнаружить и в его дневнике: «Наглость революции — наглость сознавшей свою силу и отвагу задорной юности; наглость реакции — наглость торжествующей злобно-сладострастной, импотентной, но похотливой энергии старости»⁴⁸.

Очень скоро вольнолюбивые устремления писателя улетучились из-за реальной близости наступающей революционной анархии. Активно критиковать революционное и радикальное леволиберальное (кадетское) направление общественной мысли XX в. В.В. Розанов начал уже со времени подготовки созыва Государственной Думы, точнее, с марта 1906 года. Революционеров журналист никогда не жаловал, и именовал их, как минимум, «антихристами русской земли»⁴⁹. Страх за судьбу России, предчувствие революционной катастрофы пробудили писателя от недолгих аполитичных мечтаний. Из всех представленных на думской арене политических сил более всего журналист склонился к идеям национально ориентированного политического централизма, во многом определявшимся курсом премьер-министра Столыпина.

Вновь в творчестве В.В. Розанова поднимается проблема соотношения прав личности и самодержавной власти. С 1910-х годов он выступал, как пра-

⁴⁶ Там же. М., 1997. С. 149, 152.

⁴⁷ Там же. С. 154–155.

⁴⁸ Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстол. расшифровка Н.А. Раскиной; подготовка текста Д. Рейфилда, О.Е. Макаровой. London, Москва, 1999. С. 532

⁴⁹ Розанов В.В. Собр. соч. Русская государственность и общество. М., 2003. С. 112.

вило, только на страницах охранительных газет «Новое время», «Московские ведомости», «Голос Руси», «Колокол». Убийство в 1911 году П.А. Столыпина стало для писателя важнейшим мировоззренческим рубежом в восприятии внутривосточной ситуации в России. Трагическая кончина убежденного монархиста Столыпина во многом обусловила и радикализацию политической позиции В.В. Розанова в национальном вопросе. Причину гибели П.А. Столыпина В.В. Розанов видел именно в том, что премьер-министр «крупными буквами начертал на своем знамени слова: “национальная политика”. И принял мучение за это знамя». Это, по мнению философа-публициста, и «показывает, как правильна точка зрения, кладущая национальную идею в зерно политики. Центробежные силы в стране <...> выступают вперед с кровавым насилием»⁵⁰. Определяясь в современных ему дефинициях национального вопроса, В.В. Розанов был убежден в том, что космополитизм, как идея, сама по себе механическая и мертвая, неизбежно перерастает в нигилизм, в то время как «история — это всегда *личность*, как и человек — *лицо*. Национализм и есть не что иное, как построение истории *на личности*»⁵¹.

Мыслитель был уверен в неразрывности исторических судеб царя и его народа, в их жесткой взаимозависимости. «Царь строил Россию, но и Россия строила Царя. И как трудно поколебать Россию, так же трудно поколебать Царя. Россия строила Царя повиновением и любовью. А он ее повелением и багатом, приговаривая, как муж жене: “стерпится — слюбится”. Так и вышло <...> И “без царя” русские, конечно, были бы также русскими. <...> Однако это — “русские”, а не “русское царство”»⁵². Личностное первенство царя во всем было, в глазах В.В. Розанова, неизбежным атрибутом русской самодержавной власти, вытекающим из глубоких традиций народной культуры. «Государь есть в точности лучший человек в России, т. е. наиболее о ней думающий, наиболее за нее терпевший (ряд государей, “дипломатические поражения”, “конфуз” за отсталость), наиболее для нее работавший (сколько проработал Александр II !) и вместе — пока что — наиболее могущественный что-нибудь для нее сделать. Он есть лучший человек в России и поистине Первенец из всех потому, что самым положением своим и линией традиции (“с *молоком* матери” и “врожденные предрасположения”) не имеет *всецелым содержанием души* никакого другого интереса, кроме как благо России, благо народа, в условиях бессословности и внепровин-

⁵⁰Розанов В.В. Собр. соч. Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.) / Сост. А.Н. Николоюкина и В.Н. Дядичева. М., 2005. С. 219.

⁵¹Там же. С. 289.

⁵²Розанов В.В. Собр. соч. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 445.

циальности. Самая выработка такого лица поистине есть феномен и чудо <...> Славят, собственно, не за успехи, а что вот нашелся же “частный человек”, который “всего себя посвятил Отечеству”»⁵³.

В 1910-х годах В.В. Розанов вновь вернулся к вопросу о святых основаниях власти русских монархов. Историческим феноменом и святым чудом считал писатель выработку русским народом специфически русского титула самодержца, вступая в который, новый царь начинает вдруг думать и действовать «с молитвой только об одном — “как можно справедливее”, как можно “лучше стране”, и — “ничего мне”»⁵⁴. «Царь есть легенда и молитва. Царей нет ни в какой службе и действительности. Действительность — это вонь», записал В.В. Розанов как современник великой исторической трагедии России в апреле 1917 года⁵⁵.

В то же время писатель пытался исследовать это обязательное историческое определение самого термина «Великий» как обращение к государю. Решение В.В. Розанов искал в традиционных источниках русской народной культуры: «“Величество” относится к будущему и выражает ожидания и желания. Народ, все люди ожидают, что Государь не совершит ничего мелкого, обыкновенного, что совершают вообще все люди и чего они не могут не совершать, по своей обыкновенности. <...> Мысль Царя есть уже поступок, п. ч. никакое слово Царя не может не быть исполнено. <...> Царь идет вперед, но никогда назад. Он никогда не “обходит стороною”, не “сообразуется”. Царь всегда прям и не знает “уклонений”. Т. обр. “величие” есть суть его образа, и исключение мелочности есть дух его поступков»⁵⁶.

Большое значение для В.В. Розанова имел божественный момент родовой легитимности царской власти, его законнорожденности, или «урожденности», государя, как это называл сам писатель. Даже, если точнее выразиться, — бесспорности его власти для подданных. В этой связи все рассказы о «выскачке» Наполеоне III были ему антипатичны, поскольку тот не был «урожденным», но всячески хотел уцепиться за полученную власть. «“Урожденный”, — по мнению писателя, — не имеет этой нужды: вечно “признаваемый”, совершенно не оспариваемый, он имеет то довольство и счастье, которое присуще было “тому первому счастливому”, который звался Адамом <...> Это — психика со-

⁵³ Розанов В.В. Уединенное / Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. А.Н. Николюкина. М., 1990. 543 с. (сер.: Мыслители XX века). С. 334–335.

⁵⁴ Там же. С. 335.

⁵⁵ Розанов В.В. Собр. соч. Последние листья. М., 2000. С. 247.

⁵⁶ Розанов В.В. Собр. соч. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 347–348.

вершенно вне нашей»⁵⁷. Писатель был убежден в закономерной доброте легитимных государей: «Все в него влюблены; все он имеет; что пожелает — есть. Чего же ему пожелать? По естественной психологии — счастья людям, счастья всем. Когда мы “в празднике”, когда нам удалась “любовь” — как мы раздаем счастье вокруг, не считая — кому, не считая — сколько. Поэтому психология “урожденного” есть естественно доброта: которая вдруг пропадает, когда он оспаривается. Поэтому не оспаривать Царя есть сущность царства»⁵⁸.

В.В. Розанов, как известно, имел базовое историческое университетское образование. В подтверждение своих слов об обязательной бесспорности царской власти как залого добрых отношений между самодержцем и подданными, мыслитель упомянул о спорах Ивана Грозного с боярством, Анны Иоанновны с Верховным Советом и Екатерины Великой со своим супругом.

Накануне революционных потрясений 1917 года В.В. Розанов был разрываем противоречиями в оценках царской власти, противоречиями между мыслимым монархическим идеалом и реальным поведением последнего императора. Он призывал помолиться о нашем несчастном царе, поскольку его обязанность к постоянной величавости «настолько трудна и неизъяснима, что почти нельзя “быть хорошим царем”»⁵⁹.

Отречение Николая II стало для писателя настоящей личной трагедией. В последних своих записях В.В. Розанов делился этими переживаниями со своим читателем очень открыто и эмоционально: «Сижу и плачу, сижу и плачу как о совершенно ненужном и о всем мною написанном. <...> Никогда я не думал, что Государь так нужен для меня: но вот *его нет* — и для меня как нет России. Совершенно нет, и для меня в мечте не нужно всей моей литературной деятельности. Просто *я не хочу*, чтобы *она была*. Я не хочу ее для республики, а для царя, царицы, царевича, царевен. Никогда я [не] думал, чтобы “без царя был нужен и народ”: но вот для меня вполне не нужен и народ. *Без царя я не могу жить*. Посему я думаю, что царь непременно вернется, что без царя не выживет Россия, задохнется. И даже — не нужно, чтобы она была без царя. Это моя мысль 23–28 сентября (не помню числа), да будет она истиною и священной»⁶⁰.

Историческую ответственность перед потомками за крушение самодержавия В.В. Розанов возложил на своих современников. «Нельзя, — писал он в марте 1917 года, — чтобы внуки и внучки наши, слушая сказку “О Иване Царе-

⁵⁷ Розанов В.В. Уединенное. С. 113.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Розанов В.В. Собр. соч. Последние листья. М., 2000. С. 244.

⁶⁰ Розанов В.В. Собр. соч. Последние листья. М., 2000. С. 251.

вике и сером волке”, понимали, что такое “волк”, но уже не понимали, что такое “царевич” не понимали, что такое “царство”. <...> И они почувствуют, через 3–4 поколения, что им дана не русская история, а какая-то провокация на место истории, где вместо “царевичей” и “русалок” везде происходит классовая борьба»⁶¹.

Подводя итоги, можно отметить, что при всех колебаниях В.В. Розанов оставался приверженцем монархической формы правления. Если 1890-х и в 1910-х годах он отстаивал традиционную для России самодержавную власть, то в другое время он в какой-то мере становился выразителем общих настроений, отражая в своих писаниях вектор стихийных устремлений русского социума. Это ничуть не противоречило общей системе становления политических идеалов в традиции отечественной культуры, где консервативные идеи не так уж редко оказывались органически переплетенными с либеральными.

Оставим вопрос об уточнении хронологических рамок различных политических симпатий мыслителя нашим историкам. Сегодня, с обретением в широкий доступ солидной части творческого наследия В.В. Розанова собрания сочинений в 30 томах под редакцией А.Н. Николюкина, это становится возможно сделать.

В.В. Розанов отмечал ту благородную черту русских царей, что «они предпочитали гибнуть, чем отдать “волку русских детей”»⁶².

Уникальная работа мысли Розанова охватывала все ключевые ценности жизни и мировосприятия в России. Гениальные вопрошания мыслителя о причинах нахлынувшей на нашу родину апокалиптики остаются животрепещущими и в наше непростое время.

Источники и литература

1. *Буренин В.П.* Критические очерки. Литературное уродство и кликушество // Новое время. 1895. 1 сент. № 7007.
2. *Ведерников В.В.* В.В. Розанов о самодержавии и бюрократии // Материалы XI научной конференции профессорско-преподавательского состава, 18–22 апреля 1994 года. Волгоград, 1994. С. 161–165.
3. *Голлербах Э.Ф.* В.В. Розанов. Жизнь и творчество. М., 1991
4. *Грифицов Б.А.* Три мыслителя: Розанов, Мережковский, Шестов. М., 1911.

⁶¹ Там же. С. 241.

⁶² Там же. С. 242.

5. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстол. расшифровка Н.А. Раскиной; подготовка текста Д. Рейфилда, О.Е. Макаровой. London, Москва, 1999. 720 с.
6. *Закржевский А.К.* Карамазовщина. Психологические параллели. Киев, 1912.
7. *Зябликов А.В.* Концепт думской монархии в сознании русской художественной элиты начала XX в. / А.В. Зябликов // Романовские чтения. История Российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения. Кострома, 2008. С. 57–67.
8. *Михайловский Н.К.* О г. Розанове, его великих открытиях, его маханальности и философической порнографии // Последние сочинения Н.К. Михайловского: в 2 т. СПб., 1905. Т. 2; Он же. Литература и жизнь // Русская мысль. 1892. № 6.
9. *Панфилов М.М.* Возвращение Василия Розанова // Письменная культура: источниковедческие аспекты истории книги. М., 1998. С. 260–280.
10. *Перцов П.П.* Воспоминания о В.В. Розанове / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.Г. Сукача // Новый мир. 1998. № 10.
11. *Розанов В.В.* Собр. соч. В чаду войны (Статьи и очерки 1916–1918 гг. / Сост. и подгот. текста А.Н. Николюкина, В.Н. Дядичева, П.П. Апрышко; коммент. В.Н. Дядичева. М., 2008. С. 80.
12. *Розанов В.В.* Собр. соч. Когда начальство ушло... / Сост. П.П. Апрышко и А.Н. Николюкина, коммент. А.Н. Николюкина. М., 1997.
13. *Розанов В.В.* Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского // Сост. А.Н. Николюкина, коммент. А.Н. Николюкина, А.В. Панова, С.Р. Федякина. М., 1996.
14. *Розанов В.В.* Собр. соч. Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Подг. текста А.Н. Николюкина и П.П. Апрышко, коммент. Т.В. Воронцовой. М., 2001. 477 с.
15. *Розанов В.В.* Собр. соч. Литературные изгнанники. Книга вторая. [Переписка В.В. Розанова с С.А. Рачинским и П.А. Флоренским] М.: Республика; СПб.: Росток, 2010.
16. *Розанов В.В.* Собр. соч. Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905 гг.). М.–СПб., 2008. 766 с.

17. *Розанов В.В.* Собр. соч. Последние листья / Сост. и коммент. А.Н. Николоюкина, расшифровка рукописи А.Н. Николоюкина и А.А. Ширяевой. М., 2000.
18. *Розанов В.В.* Собр. соч. Русская государственность и общество / Сост. и подгот. текста А.Н. Николоюкина, В.Н. Дядичева, П.П. Апрышко; коммент. В.Н. Дядичева. М., 2003.
19. *Розанов В.В.* Собр. соч. Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.) / Сост. А.Н. Николоюкина и В.Н. Дядичева. М., 2005.
20. *Розанов В.В.* Собр. соч. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.). М.: Республика; СПб.: Росток, 2009.
21. *Розанов В.В.* Уединенное / Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. А.Н. Николоюкина. М., 1990. 543 с. (сер.: Мыслители XX века).
22. *Романов И.Ф. (Рцы).* Письма к В.В. Розанову // Литературная учеба. 2000. Кн. 4. С. 108–179.
23. *Сергеев С.М.* Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х гг. XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.
24. *Сорокопудова О.Е.* Политическая мысль В.В. Розанова: специфика и проблемы исследования: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2012. 22 с.
25. *Струве П.Б.* Большой писатель с органическим пороком // Русская Мысль. 1910. № 11.
26. «Суд над Розановым». Записки С.-Петербургского Религиозно-философского общества // В.В. Розанов: pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. Кн. 2 / Сост., вступ. ст. и прим. В.А. Фатеева. СПб., 1995.
27. *Тареев М.М.* В.В. Розанов // Богословский вестник. 1907. № 12.
28. *Тихомиров Л.А.* Больше терпимости // *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. М., 1999. С. 613–614.
29. *Фатеев В.А.* С русской бездной в душе: жизнеописание Василия Розанова. СПб., Кострома, 2002.
30. *Фатеев В.А.* Жизнеописание В.В. Розанова. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2013. 1056 с.

31. *Шульгин В.А.* Русский пророк — консерватор Розанов (Доклад на научной конференции «В.В. Розанов и современность. К 150-летию со дня рождения мыслителя») // Православное информационное агентство «Русская линия», 2006 г. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=110870> (дата обращения: 01.04.2015).
32. *Шульгин В.А.* Русский свободный консерватизм первой половины XIX в. СПб., 2009. 496 с.